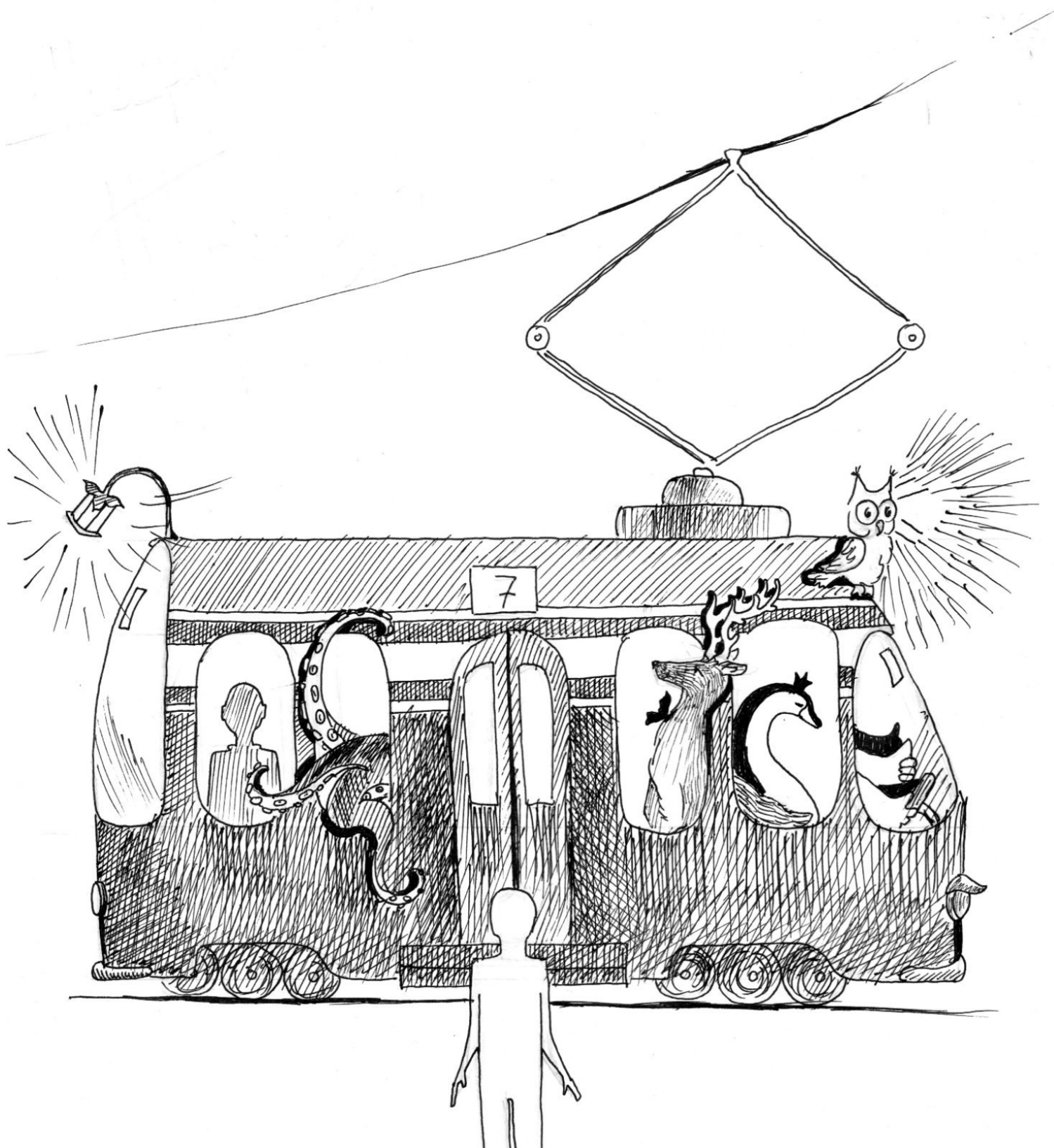


Андрей Стрельцов

Трамвай и немного странно



Андрей Стрельцов

Трамвай и немного странно

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Стрельцов А.

Трамвай и немного странно / А. Стрельцов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Мужчины и женщины, встречи и расставания, разговоры и молчание, семья и работа, одиночество и публичность, обыденность и неожиданность - все то, что называется простым словом жизнь встретится вам в рассказах этого сборника

Содержание

Гордость	5
Донор	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Гордость

Сегодня у Мишки Фатеева работа совершенно не ладилась. Всякое дело, за которое он принимался, не спорилось, и, вообще, все валилось из рук. Раньше, бывало, за что ни возьмется – все сделает, да еще ладно так, что частенько слышит в свой адрес: “Золотые руки”. Но сегодня своей неуклюжестью, задумчивостью и забывчивостью за первый час рабочего дня он успел поразить и своих коллег, и свое непосредственное начальство. Еще вчера таким живчиком бегал по цеху, находя для каждого встречного в зависимости от пола и должности или шутку, или острое словцо, или простое приветствие, а сейчас каждые пять минут застывал, упершись взглядом в бесконечность, и, отвечая на вопрос “что случилось?”, говорил:

– Нет... ничего... все нормально, – а после этих слов оглядывался по сторонам и как бы не узнавал окружающее и окружающих.

А все из-за вчерашнего разговора с женой. Хотя, если подумать, осложнились отношения между ними начали довольно давно.

Где-то месяца два назад Валентина стала регулярно задерживаться на работе из-за постоянных авралов, попадать в автомобильные пробки и прочие не планируемые заранее мелкие, но малоприятные катастрофы. Все это, конечно, случалось и раньше, но отнюдь не с такой завидной частотой и регулярностью. А сейчас, хотя Мишке с работы надо было добираться на полчаса дольше, он каждый день умудрялся приходить домой раньше жены. Не то, чтобы его сильно раздражало отсутствие привычного прямо с порога подсаживания к столу, на котором его уже ждали горячие щи. Нет, он даже через некоторое время научился себя убеждать, что получает удовольствие, встречая уставшую жену собственноручно приготовленным ужином. Дело было в том, что хоть он и не считал себя ревнивцем, но все-таки эти опоздания и задержки стали его утомлять. В голове начали зарождаться разные неутешительные мысли. И в конце концов, одно дело, когда ты готовишь ужин раз в месяц, ну пусть даже раз в неделю, – это еще терпимо, но каждый день!.. – увольте! И он уже несколько раз намекал об этом Валентине, но тем не менее вчерашний вечер своим началом до зубной боли походил на своих предшественников, как две пары галош сорок пятого размера друг на друга.

Михаил пришел домой с работы, обнаружил, что он объявился первым на пороге семейной обители, вздохнул от огорчения по поводу очередного отсутствия Валентины, переоделся в привычные майку и домашнее трико, нацепил поверх них фартук и занялся ужином. Справедливости ради надо заметить, что приготовление ужина в этот вечер больше напоминало разогревание недоеденного завтрака, а посему не было обычных получасовых уговоров “себя любимого” заняться подготовкой пищи к последующему поглощению. А может, не было их потому, что создание ужина уже вошло в привычку. Кто его знает?! Но только успел он включить плиту, как услышал шебуршание ключа в замочной скважине, быстро поставил кастрюлю на огонь и побежал встречать жену. Открыл дверь, и Валентина просто-таки ввалилась в прихожую.

С ее появлением сразу стало тесно. Мишка всегда чувствовал себя немного подавленным, находясь будучи одетым в домашнее, рядом с по-зимнему наряженной женой. Может быть, потому, что выглядел “крайне непрезентабельно” возле этой дородной, румяной, пышущей здоровьем женщины. Михаил, вообще-то, обладал средней комплекцией среднего мужчины средней полосы России, но Валентина как средняя женщина с тех же пресловутых географических координат была не менее чем в два раза габаритнее своего супруга, а тут еще одежда, которая только усугубляла это различие.

Михаил помог Валентине раздеться и позвал к столу. Ужин проходил несколько необычно. Валентина пристально присматривалась к супругу, словно хотела разглядеть в нем

что-то. Она все это время напоминала человека, который хочет вспомнить нечто, неуловимо проскочившее несколько мгновений тому назад у него в голове, и... не может. Не было ставшего в последнее время привычным щебетания о трудоголике-начальнике, о нереальных сроках для выполнения порученной работы, об “идиоте, выдумавшем ненормированный рабочий день”, о транспорте, которого, когда надо “ну никогда не дождешься”, о дорожных и аварийных службах, которым “не судьба” обеспечить движение по улицам города без пробок, без аварий, без сломанных светофоров и без открытых люков. Ничего этого не было. Ужин, можно сказать, прошел в гробовой тишине, поскольку после нескольких безуспешных попыток завести разговор Михаил окончательно сник и уже просто поглощал вчерашний борщ без всяких претензий на светскую беседу. Он явно чувствовал, что что-то не так, но вот что именно – пока понять не мог.

Все так же молча попили чаю с сухарями.

И вот, когда ужин был совершенно закончен, к огромному Мишкиному удивлению Валентина взялась мыть посуду, даже не совершая обычных бесплодных попыток принудить к этому действию супруга. И тут он понял, что быть чему-то нехорошему, какой-то пакости. Почему именно пакости, Мишка не мог себе объяснить, но... предчувствия вещь непредсказуемая, и умом не понятно откуда берущаяся.

Вымыв посуду, Валентина пошла в комнату и увлекла за собой мужа, который все это время пребывал тут же на кухне и пытался себя успокоить и хоть как-то избавиться от гнетущего и томящего предчувствия чего-то ужасного.

Придя в комнату, Валентина села на диван, усадила рядом (на расстоянии вытянутой руки) мужа и заявила:

– Михаил, мне сегодня надо тебе о многом сказать. И даже не перебивай меня и не пытайся переубедить. Все уже решено. И давно к тому же решено. Ты ничего не в силах изменить, – Валентина говорила торопливо, но твердо, хотя страх того, как муж отнесется к ее словам, присутствовал во всем: и в манере сидеть, и в мимике, и в том, как она нервно сжимала руки или поправляла прическу. Словом, было видно, что она на самом-то деле боится сказать, но по-другому просто не может.

– Михаил, я полюбила другого.

– Молчи, – она даже попыталась закрыть ему рот рукой, но оборвала себя на середине движения, начав нервно тереть рукава платья. – Он замечательный человек. Ты с ним не знаком. И я наперед знаю все, что ты хочешь сейчас сказать. Тебя волнует, что будет с тобой и что станет с нашей «любовью». Я тебе отвечу. Квартира останется за тобой. И почти вся обстановка тоже. Я перееду к нему. У него трехкомнатная квартира в центре города. С тобой все будет нормально, ты найдешь себе друга. И, может, даже будешь с ней счастлив.

– Ну а любовь? Наша с тобой любовь? Как с ней быть? – спросил Мишка нарочито небрежно, пытаясь за этой манерой скрыть весь ужас того положения, в котором он только что оказался.

– Ну что любовь? – в тоне Валентины сквозило неприкрытое раздражение. – Разве это любовь? Ты эту однокомнатную квартиру называешь «любовь»? Или, может быть, постоянное торчание у кухонной плиты – «любовь»? Или для тебя «любовь» – это необходимость в том, чтобы кто-то стирал и гладил твои рубашки? Это все, по-твоему, «любовь»? Я уже устала от такой «любви»! Я хочу почувствовать себя женщиной! Я детей рожать хочу! А ты мне даже этого дать не хочешь: все чего-то боишься, все на какие-то кризисы в экономике ссылаешься. Я себя в свои 32 года древней старухой чувствую. А ты помнишь, когда дарил мне цветы в последний раз? Или в театр пригласил? Помнишь? Ты сделал так, что теперь вся моя жизнь заключается в этих четырех стенах.

– Еще пол и потолок забыла, – встрял с попыткой поерничать Михаил.

– Молчи! – уже откровенно закричала Валентина.

– Молчи, а то я тебе глаза выцарапаю! Ты и сейчас не хочешь меня понять. Ты даже теперь не желаешь изменить нашу жизнь, чтобы в ней снова появилась настоящая любовь. Ведь ты меня любил. Во всяком случае, пока мы не поженились. Ну, с полгода, может, после этого. А что потом стало? Я сделалась домохозяйкой. Все мои лучшие годы были проведены у плиты!..

– Молчи, или я тебя пришибу! – снова взвилась Валентина, увидев очередную попытку Михаила заговорить. – Я долго молчала. Терпела, ждала и молчала! Но сейчас я выскажу все. Семь лет я была рядом с тобой. Семь лет я ждала, что вот, может быть, завтра ты изменишься и поцелуешь меня, провожая на работу или встречая вечером. Ты даже не в состоянии просто так меня поцеловать. Я от тебя никакого ласкового слова не слышу. Все происходит так, будто после свадьбы я стала твоей вещью, с которой раз в полгода пыль обмахнуть и то много. Ты меня даже ни разу не ревновал. Правильно, как можно ревновать телевизор или шкаф! Ты же меня до их уровня свел.

– Я так больше не могу. Завтра же подам на развод!

Сказав все это, Валентина успокоилась и превратилась из гневной яростной фурии в просто уставшую женщину.

– Хоть скажи, кто он такой? – от чувства необходимости не молчать спросил Мишка.

– Эх, Мишка! – с сожалением произнесла Валентина. – Вместо того, чтобы попытаться меня удержать, ты задаешь какие-то совершенно не важные вопросы. Ну зачем тебе знать, кто он и какой он, если я только что сказала, каким хотела бы видеть тебя?

– А ведь ты его не любишь! Ты ждешь, что я начну тебя отговаривать, просить остаться! – вдруг понял Мишка.

– И что, если не люблю? Стерпится – слюбится. Он – замечательный человек: добрый, ласковый, внимательный. В конце концов он любит меня и видит во мне не вещь, а женщину и человека. А это не так уж и мало.

– Не много же тебе надо!

– Да, немного! Может, и того меньше! Но ты даже и тысячной доли этого не захотел мне дать. А он даст!

– Так уж и даст? А, может, потом догонит и еще поддаст?

– Ох и злой ты, Мишка. Ты же раньше был добрым. А сейчас через свою гордость перешагнуть боишься.

– А может, она у меня да еще совесть чистая и остались?

– Ну хоть бы совесть-то сюда не приплетал! Я ж тебе рогов-то не наставила. Хотя, конечно, могла. Все ждала, когда ты образумишься.

– Вот и спасибочки за признаньице ваше, Валентина свет Анатольевна. Может, мне теперь вам в ноги упасть и благодарить, тапочки целуя, что не изменяли мне?

– Да что с тобой говорить!?! – воскликнула в сердцах Валя. – Ты ведь меня слушать не хочешь. Все оскорбления в свой адрес выискиваешь! Гордость свою этим тешишь? Вроде как, вот он я какой хороший и что от них терплю. Мученик! – последнее слово было высказано с такой язвительностью, что Валентине самой сделалось неловко. – Нельзя же так, Мишка! Забудь ты о ней. Попроси меня остаться, и я останусь. И любить тебя все так же буду. Стань хоть на минуту таким, каким был до свадьбы: влюбленным сорванцом, который таскал для меня цветы с клумб.

– Что ж это я тебя уговаривать должен. Ты своей судьбе сама хозяйка. Выбрала себе нового мужа – скатертью дорога. Живите вместе, если так хочется. Я тебе не помеха. Против развода не буду. Все подпишу, что потребуется. Так и знай. Такое мое последнее слово.

– И как я могла жить семь лет вместе с этим человеком?! И любить его... Все! Ни минуты я не задержусь в этом доме. Сейчас же уйду к Павлу. Вот только позвоню, чтобы встретил. Соберу кое-что и уйду. Не буду я тебя больше обременять.

– Баба с возу – кобыле легче!

– Ну надо же, не удержался, сказал! Уж потерпи еще пять-то минут.

Валентина позвонила куда-то. Перебросилась несколькими фразами с человеком на другом конце провода. Собрала кой-какое свое барахлишко в чемодан и направилась к двери. Все это время Мишкой двигала какая-то ожесточенность. Он никак не мог понять: “Как так? Любит меня, а уходит к другому?” – и поэтому не хотел искать мира.

Уходя, Валентина оглянулась, как бы ожидая, что ее вернут, но столкнувшись с презрительно растерянным взглядом Мишки, только чертыхнулась про себя в его адрес и аккуратно закрыла дверь.

А Мишка остался дома один. Ему все не верилось, что это могло произойти с ним, с Михаилом Федоровичем Фатеевым. Все это как-то не укладывалось в голове. Он сидел и ждал, что вот сейчас Валентина одумается и вернется. И все будет продолжаться по-прежнему.

Но Валентина так и не вернулась.

А сегодня, видя, что с Мишкой творится что-то неладное и что человек находится в таком состоянии, в котором и покалечиться запросто можно, подошел к нему мастер участка и слово за слово выспросил всю Мишкину печаль.

– Ну, что бы я тебе посоветовал... – начал он, теребя свою куцую бороденку, – увидишь ведь ты ее до развода? Так попроси прощения, попроси вернуться. Сам знаешь, что вернется, если так поступишь. Разве это сложно?

– Нет, Митрич, я ее судьбе не помеха. Не буду я за кем-либо бегать и сопли вытирать. Не девчонка, сама знает, чего хочет.

– Глупый ты, Мишка! Глупый и гордый до чрезвычайности. А знаешь, когда ты таким стал? Раньше ведь был нормальный мужик, простой, не без прибабахов, но простой. Помнишь, когда тебя в первый раз на доску почета повесили? Сейчас гляжу я на это дело и думаю: поспешили мы тогда. Не созрел ты тогда для почета. Да и до сих пор не созрел. Сразу загордился, зазнался. Уваженья стал к себе требовать чрезмерного, а к другим и обычное забывал проявить. Умней, парень, а то так гордым дураком и помрешь, – сказал это все Митрич, подождал немного, что Мишка ему в ответ скажет, и, ничего не дождавшись, ушел по своим начальственным делам.

“Умней! – думал про себя в это время Михаил. – Уж кто бы говорил, да только не ты, пень трухлявый. Умней! А как надо что-нибудь подсчитать, ты к кому обращаешься? Рацуху двинуть кого просишь? Умней! Много вас умных развелось, специалистов в чужую жизнь вмешиваться и советы ненужные давать! Уж как-нибудь сам разберусь в своей семейной проблеме, без бывших парторгов.”

Весь день кипели в Мишкиной голове подобные мысли и не давали заняться выполнением рабочего плана. А вечером пришел он домой, переоделся, разогрел ужин и вдруг понял, что сегодня будет один и завтра будет один и очень даже может случиться так, что всегда будет один: не с кем будет ему обругать начальство, правительство и обсудить внутреннюю обстановку в стране наряду с внешней политикой.

“Один, – пронеслось в голове у Мишки, – совсем один! Боже, какой дурак! Зачем я... почему все произошло именно так? Что же я наделал! И ни телефона, ни адреса Валюхиного нет.” Только сейчас Михаил осознал в полной мере, насколько ему нужна Валентина. Не как домработница, а как человек, который его любит, который в нем нуждается.

И тут раздался звонок в дверь. Мишка аж подпрыгнул от неожиданности, с неудовольствием подумал: “И кого там черти принесли в десятом-то часу?” и пошел открывать.

На пороге стояла Валентина.

Уж кого-кого, а ее сейчас, после всего произошедшего, Михаил не ожидал увидеть и даже растерялся.

– Может предложишь войти? – спросила Валентина, – Или так через порог и будем разговаривать?

Несмотря на все попытки Валентины выглядеть бодро и несколько небрежную манеру говорить, было заметно, что минувшая ночь не прошла для нее даром: мешки под глазами не скрывала даже тщательно нанесенная косметика.

– Конечно, проходи! – Мишка сделал приглашающий жест и посторонился, давая жене возможность войти в квартиру.

Валентина зашла и осторожно закрыла дверь. Сейчас ее присутствие не вызывало у Мишки потерянности, поскольку всем своим видом (может, и не желая того) Валентина показывала, что он ей очень нужен, очень значим для нее. Они стояли друг против друга и молчали. Михаил смотрел на Валентину и видел в ней все те переживания, которые сам испытал за последние часы. И вдруг он понял, что не даст ей уйти ни сегодня, ни завтра, никогда.

И тут его мысли прервала Валентина:

– Михаил, я вот здесь написала заявление о разводе, может,ознакомишься? – Она протянула Мишке лист бумаги, испещренный таким родным для него почерком.

– Валюш, – произнес, не узнавая своего голоса, Михаил, – знаешь, я о многом передумал за последние часы и хочу тебе сказать, что люблю тебя. Ты мне очень нужна. Возвращайся домой. Пожалуйста.

Валентина с радостным недоверием воззрилась на мужа.

– Валюш, ты пойми, – продолжал он, ободренный взглядом жены, – я ж всегда хотел сделать как лучше. Конечно, иногда выходило, что я перегибал палку, но, клянусь, из чистых побуждений. Хочешь, мы завтра пойдем в театр? Ну прости ты меня!

– Мишка, ты тоже меня прости, я вчера сгоряча наговорила много глупостей: и тебе сделала больно и себе. Эх, Мишка, Мишка, как же мне тебя не простить, ведь я тоже люблю тебя!

У Мишки вызрела новая неожиданная мысль: “Ну ее к чертовой бабушке, всю эту экономию! На двухкомнатную квартиру все одно в ближайшие полтора века не накопить, а годы проходят! А сколько примеров перед глазами: люди вчетвером, впятером живут в однокомнатных и ничего, никто еще не помер. И с нами, поди, ничего ужасающего не случится.”

– Валюш, а давай родим малыша! – бухнул вдруг Мишка.

– Ты что, серьезно? – не поверив своим ушам, спросила Валентина.

– Куда уж серьезнее! Ну что мы его не прокормим, не вырастим? Да мы с тобой горы вместе свернем! Давай, раздевайся, – сказал Михаил и начал стаскивать с жены шубу.

– Что прям так сразу? – опешила от такого натиска Валентина.

– Вообще-то, “раздевайся” я сказал в смысле, что ты ведь сегодня уже никуда не пойдешь. Хотя... а чего нам тянуть? – и тут оба обнаружили, что Валентина до сих пор сжимает в руках заявление о разводе.

– Возьми его, Миш, и порви так, чтобы и памяти о нем никакой не осталось, – сказала Валя, протягивая бумагу мужу.

апрель 1999

Донор

Решил как-то раз Славка Авдеюшкин сторонним приработком семейный бюджет поправить. И дело было, в общем-то, не в том, что денег катастрофически не хватало. Просто так ему захотелось. На принятие решений Славка, надо сказать, парень не скорый, но уж если ему что-то втемяшится, то хоть кол на голове теши – пока по-своему не сделает, никому от него покоя не будет. Так вышло и на этот раз.

А причиной всему был телевизор. Увидел Вячеслав Валентинович как-то репортаж о шахтерах в “Новостях”. Ну те, как водится в таких случаях, о жизни своей нелегкой плачутся, о том, как приходится без зарплаты выкручиваться, рассказывают. А один так прямо и говорит открытым текстом, что сходил давеча сдал кровь и получил за это семьдесят целковых, но вот только посетовал в конце рассказа о своем житье-бытье, что гемоглобина в крови почти не осталось. В следующий раз могут кровь и не принять.

У Славки хоть семья – он да жена, но живут на ее стипендию студенческую, да на его зарплату, что в совокупности чуть меньше прожиточного минимума для одного человека составляет. Вертятся, крутятся, но доходы с расходами в своем бюджете все ж таки согласовать умудряются. А люди-то они молодые: и в кино хочется сходить, и в театр, и одеться помоднее, да и съесть чего-нибудь повкуснее тоже иногда желание возникает (не одной лапшой быстрого приготовления жив человек). А тут выясняется, что можно практически даром семьдесят рублей получить. Ходил Славка, крепился, отбивался от возникшей у него идеи, как только мог (а мог очень разнообразно и порой даже изощренно), но стала она для него, не иначе как навязчивой. Сниться уже начало, что в капиллярах, а тем паче в венах и артериях у него вместо крови деньги текут.

Делать нечего. Стал Славка справки наводить и выяснять что, почему, где и как. Узнал адреса центров, где можно сдать кровь. Выяснил, что для обмена крови на деньги надо только-то, что явиться в любой из них, а там тебя с распростертыми руками обслужат, как дорогого гостя: завтраком накормят, кровь выкачают, деньги вручат, а еще и бумажку дадут, по которой на работе должны отгул предоставить с сохранением заработной платы. Удалось даже вывести, что после некоего количества литров сданной крови человек становится заслуженным донором (или чем-то в этом роде). С присвоением этого звания, оказывается, приобретаются некие льготы, правда, мужики на работе сошлись во мнениях только по поводу двух из них, а именно, возможности покупать хлеб без очереди и входить в общественный транспорт через переднюю дверь.

Славка, надо сказать, хоть и молодой, но относительно льгот и прочих даровых вещей человек ушлый. Раздают на улице газеты прохожим – возьмет обязательно. А ну как окажется в той газетенке информация нужная просто-таки до зарезу? На бесплатных презентациях – завсегда. Увидит, что предлагают рекламные проспектики – непременно себе выпросит и лучше если два, а то и больше. Ну уж если товаром каким одевают, то тут и говорить нечего, Славка всегда в первых рядах. Натура у него такая. Раз дают – бери. Дают бесплатно – тем паче бери. Валяется бесхозным – надо прибрать. Никогда Славка не проходил мимо лежащих на земле денег, копейку и ту всегда подберет. Вдруг в хозяйстве пригодится! Никак нельзя ничего мимо себя пропустить.

Короче говоря, меньше чем через неделю после появления зачатков мыслей о сдаче крови, Вячеслав Валентинович Авдеюшкин решил воплотить свою уже окончательно сформировавшуюся мечту в жизнь. А много ли для этого надо? Только твердость в собственных намерениях и предупреждение начальства от написания на него, Славку, прогула.

Начальника он предупредил. Понимания не встретил, но препятствий ему чинить не стали. А это не так уж и мало.

Твердости тоже хватало. Светланка, правда, отговаривала. Говорила, что денег им и так хватает, что не надо этого делать, что вдруг ему станет плохо – все-таки кровь выкачивают. На все это Славка сказал, что идет туда “не из-за денег, а из-за отгула, из-за узнать об ощущениях во время сдачи крови, из-за помочь кому-нибудь своим проявлением доброй воли, в общем, целиком и полностью из-за личного кромешного альтруизма”. Врал конечно, но Светку свою уговорил не беспокоиться и не противиться уже принятому им решению.

И вот настало завтра. Утром между супругами Авдеюшкиными возник спор: можно ли есть перед актом добровольного донорства или не стоит? Светлана говорила, что поесть необходимо. Вячеслав отвечал: “Еще чего!” Свой отказ, вызванный желанием сэкономить драгоценные продукты питания, он мотивировал возможностью попадания в кровь чужеродных веществ, которые могут впоследствии пагубно отразиться на организме больного. Для большей убедительности, вспомнив школу, и в частности курс химии, даже вставил мудреное словцо “акцептор”. Но убежденности Светланки не поколебал. Она же, обращаясь к факту наличия бесплатного завтрака, отмела все домыслы супруга и заставила его поесть. Не помогли даже славкины упоминания о физиологических процессах и предположение, что “всяческая бяковость с того донорского завтрака в кровь попасть не успеет за малостью временного промежутка”.

Противясь в глубине души происходящему, Славка с удовольствием съел все, что было подано на стол, после чего, поцеловав жену, отправился становиться донором.

Уж чего-чего, а увидеть очередь в пункте приема крови Славка ну никак не ожидал. Люд тут присутствовал весьма разношерстный (от истатуированных задохликов, насквозь пропахших алкоголем, до розовощеких обладателей свисающих поверх брючного ремня “авторитетов”), но все сплошь мужики.

Этим неожиданности не пожелали закончиться. Вместо того, чтобы вонзить иглу в славкину вену, заботливо им предоставленную, дама в белом халате, будто бы не заметив его жест доброй воли, проткнула ему безымянный палец, откачала немного крови и попросила обождать, сидя в сторонке. Вскоре выяснилось для чего все это производилось. Происходила элементарная отбраковка предложенного материала. Кому-то говорилось, что в его алкоголе слишком мало плазмы, кому-то, что уровень гемоглобина маловат и надо бы его вначале восстановить до положенного. Одному мужчине посоветовали прийти через неделю, так как два месяца со дня последней сдачи крови еще не истекли. (ДВА МЕСЯЦА! Ужаснулся Славка. Он-то надеялся, что донорством можно заниматься в среднем где-то через неделю!) Остальным были выданы какие-то специальные карточки. Одна из них досталась Славке.

Очередь плавно и явно не спеша (даже вальяжно) от одного кабинета переместилась к другому. Там всех допущенных внесли в компьютерную базу данных. “Вот что значит НТР!” – искренне порадовался за медиков и всю страну Славка. И подумал о том, что раньше компьютер был дорогостоящей забугорной диковинкой, а сейчас – дешевым и очень полезным помощником на разных уровнях бытия человеческого.

Следующим этапом была кормежка. Вопреки ожиданиям хорошего плотного завтрака, Славку ждали кружка бульона из какого-то супового кубика, кусок хлеба, чай с сахаром и сколько угодно крекеров. Нигде не было видно никакого “Кагора”, о котором зажмурив глаза от сладости воспоминаний поговаривали некоторые знатоки донорского дела. Но это-то, пожалуй, к лучшему. Никогда Славка не был любителем алкогольных напитков, хотя, с другой стороны, нахаляву и укус сладкий.

Далее под присмотром очередной дамы в белом (кто их разберет, кто из них врач, а кто медсестра, на них ведь не написано!) все обрабатывали локтевой сгиб самолично выбранной

для предстоящей экзекуции руки специальными ватными тампончиками до тех пор, пока оные больше не изменяли цвет в процессе соприкосновения с кожей потенциального донора.

И вот подошла очередь Славки сдавать кровь. Поскольку дамы в белом, как заправские кумушки, разнесли промеж собой весть, что он сегодня единственный с “первичным приходом”, то в течение всей процедуры Славка находился под их недремлющим оком. Мало ли что может случиться с непривычки!

Процесс лишения крови прошел абсолютно безболезненно и был лишен каких-либо эксцессов со стороны славкиного организма. Тем не менее Славку направили на повторное чаепитие. Все остальные подобного счастья были лишены, поскольку уже давно заматерели на подобных процедурах. Из них хоть всю кровь выкачай – разве что посинеют немножко, а так ничего страшного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.